

ИМЯ И ОБРАЗ МАРИНЫ МНИШЕК В ПОЭТИЧЕСКОМ СОЗНАНИИ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Г. Ф. Ковалев

Воронежский государственный университет

Поступила в редакцию 16 августа 2021 г.

Аннотация: *статья посвящена особой теме в творчестве трагического русского поэта — Марины Цветаевой. Проблема оценки известной в российской истории авантюристки Марины Мнишек всегда интересовала не только историков, но и таких авторов, как А. Пушкин, М. И. Цветаева. В статье анализируется эволюция отношения Марины Цветаевой к ее любимому персонажу — польке Марине Мнишек.*

Ключевые слова: *Марина Цветаева, поэт, Марина Мнишек, польский персонаж, эволюция оценки.*

Abstract: *the article is devoted to a special theme in the work of the tragic Russian poet Marina Tsvetaeva. The problem of assessing the well-known in Russian history adventurer Marina Mnishek has always been of interest not only to historians, but also to such authors as A. S. Pushkin M. I. Tsvetaeva. The article analyzes the evolution of Marina Tsvetaeva's attitude towards her favorite character, the Polish Marina Mnishek.*

Keywords: *Marina Tsvetaeva, poet, Marina Mnishek, Polish character, evaluation evolution.*

Русские мужчины всегда ценили красоту и характер польской женщины. Утвержденный в литературе образ прекрасной и гордой до надменности полячки, укрепленный в XX веке российским кинематографом, стал одним из стереотипов в восприятии западных соседей. Проба поиска его истоков непременно приведет к персоне Марины Мнишек, четвертой дочери самборского воеводы Ежи Мнишка.

Эта женщина, будучи не обойденной вниманием в польской литературе (достаточно упомянуть хотя бы поэмы замечательных польских поэтов Юлиуша Словацкого «Сказочная Марина Мнишек» [1] и Зыгмунта Красиньского «Агай-хан» [2]), для русской — как сыгравшая неоднозначную, даже роковую роль в истории России — стала воплощением полярных начал: красоты, ума, силы, а также расчетливости и коварства.

Одним из первых к художественному образу Мнишек обратился А. Пушкин. Она стала главной героиней драмы «Борис Годунов». В основу изображения легли отнюдь не скудные данные из «Истории государства Российского» (а, как известно, именно у Н. М. Карамзина черпал Пушкин сведения о событиях Смутного времени), а уже сложившиеся к тому времени стереотипные представления о польской женщине. Как справедливо замечает профессор Б. Муха: «в портрете Мнишек у Пушкина внедрились его образные ассоциации, связанные с национальным характером польки, неизбежно смыкающиеся с мнениями современных установившихся в памятниках, литературных произведениях, а также пониманием этого российским обществом» [3, 531–532].

Но Пушкин — мужчина, его пробы идеализировать образ Марины Мнишек можно понять. А ведь и Марина Цветаева была тоже влюблена в образ этой прекрасной авантюристки... Правда, она объясняла это примесью у себя польской крови. Кроме того, она была влюблена в поэзию Пушкина, и, как знать, не оттуда ли развился у нее интерес к Марине Мнишек.

Кажется, довольно справедливую, дала характеристику Марины Цветаевой учительница О. С. Панфёрова: «Известно, что лирика Марины Цветаевой обладает театральностью. Поэтесса часто примеривает на себя различные роли, отличающиеся особым разнообразием. Они включают в себя исторических лиц, сказочных персонажей, излюбленных литературных героев; это могут быть мифологические и библейские образы. Большое значение Цветаева придаёт именам. Они являются некими символами судьбы героя, которая определяется с рождением.

Необычайно интересует М. Цветаеву собственное имя, влияние которого она ощущает на себе. Она примеривает своё имя, прислушивается к нему, сравнивает себя с различными героями, историческими лицами, носящими это имя. Может быть, поэтому столь притягательным для Цветаевой становится образ женщины с исключительной судьбой Марины Мнишек. Черты авантюризма воспринимаются поэтессой как родственные» [4, 178].

Поляками были ее прапрадед Александр Бернацкий и прабабушка по материнской линии — графиня Мария Ледуховская. К этому же польскому роду принадлежала и ее бабушка (по матери) Мария Лукинична Бернацкая, о которой Цветаева писала: «От М. Л. Бернацкой <у меня> польский нос

и мятеж» [5, 419]. Впрочем, поэтесса находила свое сходство и с портретом прабабки: «О встрече с *собой, живой* — на портрете моей польской прабабки Гр<афини> Ледуховской — когда-нибудь расскажу. Сходство — до жути!» [6, 244].

А еще Цветаеву связывало с Мнишек общее имя. Любопытно, что биографией Мнишек занимался Дмитрий Иловайский, который считался отцом первой жены Ивана Цветаева, то есть дедом Марины. В повести «Дом у старого Пимена» (1933) поэтесса пишет: «Дмитрий Иванович Иловайский умер в 1919 году, девяносто одного года от роду (...) У меня остался от него один сувенир — книга о моей тезке и частично соотечественнице, Марине, в честь которой меня назвала мать» [7, 30].

А. Чернова-Сосинская, знакомая Цветаевой по Чехословакии, писала: «И так уж повелось: Марина Цветаева, или часто просто Марина, без фамилии. Цветаева любила свое имя, редкое в ее поколении. Ее всегда занимало значение имен, и собственное имя ей напоминало не святцы, а гордую полячку (Марину Мнишек)» [8, 299–300]. 4 мая 1914 г. Цветаева в своей записной книжке отмечает: «Если у меня будет еще дочь, я назову ее Мариной, или Зинаидой, или Татьяной. Если сын — Глебом, или Алексеем» [9, 58].

Возвращенный поэтессой миф своего имени, однако, не сразу привел к восприятию романтико-трагической судьбы Марины Мнишек. Вначале в основу этого мифа Цветаева брала этимологию своего именования: Марина — ‘морская’. Гимном этого толкования звучит фрагмент стихотворения:

Кто создан из камня, кто создан из глины, —
А я серебрюсь и сверкаю!
Мне дело — измена, мне имя — Марина,
Я — брэнная пена морская.

«Кто создан из камня, кто создан из глины»,
23 мая 1920.

Этимологизация сквозит также в двестишести из цикла стихотворений «Бабушка» (23 апр. 1919 г.): «Маринушка, Маринушка, Марина — синь моря!».

Позже имена обеих Марин прочно связались в поэтическом *credo* Цветаевой. Описывая вдохновение от московского пейзажа (Спас на Бору, Нечаянная Радость, фабрика Эйнем, Храм Христа, памятник Александру III — Царю-Миротворцу, Царю-Освободителю), она говорит: «И в ответ, вдохнов<енный> и бессвяз<ный> лепет о Марине: Марине — мне, Марине Ц<ветаевой>, Марине Мнишек» (Цветаева 2001, 273).

Цветаева посвятила судьбе Марины Мнишек большое стихотворение («Марина [Димитрий! Марина! В мире...»] 29–30 марта 1916), в котором польская «авантюристка» ни больше ни меньше как прославляется:

Марина! Царица — Царю,
Звезда — самозванцу!
Тебя пою,

Злую красу твою,
Во славу твою грешу
Царским грехом гордыни.
Славное твое имя —
Славно ношу.

Правят моими бурями
Марина — звезда — Юрьевна,
Солнце — среди — звезд.
«Марина», 1916 г.

О сочувственном восприятии Цветаевой действий своей тезки свидетельствует запись, сделанная еще в 1921 г.: «Чего искала Марина Мнишек?... Власти несомненно, но — какой? Законной или незаконной? <...> С грустью думаю, что искала она первой, но если бы я писала ее историю...». Продолжением оборванной фразы может послужить выдержка из текста Цветаевой, относящегося к 1932 г.: «...то написала бы себя, то есть не честолюбицу и не любовницу: себя — любящую и себя — мать. А скорее всего: себя поэта» [6, т. 4, 593].

Цветаева, когда была беременна уже второй дочерью, хотела сыну дать имя, исторически парное *Марине Мнишек*: «Если бы у меня родился сын, я бы назвала его — Димитрий, а уменьшительное сделала бы — «Лже» (9, 154).

Правда, у зрелой Цветаевой, утратившей первичный романтизм, оценка Мнишек меняется. Теперь Марина-мать, Марина-супруга имела право сказать о своем прежнем кумире:

Трем Самозванцам жена,
Мнишка надменного дочь,
Ты — гордецу своему
Не родившая сына...
В простоволосости сна
В гулкий оконный пролет
Ты гордецу своему
Не махнувшая следом.
На роковой площади
От оплеух и плевков
Ты гордеца своего
Не покрывшая телом.
В маске дурацкой лежал,
С дудкой кровавой во рту,
— Ты, гордецу своему
Не отершая пота...
Своекорыстная кровь! —
Проклята, проклята будь
Ты — Лжедимитрию смогшая быть Лжемариной!
«Марина» 28 апреля 1921

Выраженная здесь переоценка образа представляется все же скорее следствием воли случая или настроения поэтессы. Доводов единения двух Марин обнаруживается гораздо больше. Не случайно образы Марины Мнишек и Марины Цветаевой вполне естественно слились у великой А. А. Ахматовой в единый:

Невидимка, двойник, пересмешник,
Что ты прячешься в черных кустах,
То забьешься в дырявый скворечник,
То мелькнешь на погибших крестах,
То кричишь из Маринкиной башни:
«Я сегодня вернулась домой...»
«Поздний ответ»

Исследовательница жизни и творчества Цветаевой А. А. Саакянц пишет: «Цветаеву здесь интересует Марина Мнишек не столько как исторический характер, но как фигура сложная и полная противоречий» [10, 292]. Российскую поэтессу всегда привлекали женщины с нетипичными биографиями, особенно те, характер которых имел что-то общее с ее собственным характером. Марина Мнишек — как и Цветаева — была раздираемой противоречиями и потому близкой поэтессе. А еще образ гордой и прекрасной польки — и здесь нельзя не согласиться с мнением польского литературоведа Я. Орловского — стал для Цветаевой фундаментом поэтической автомифологизации [11, с. 249].

Образ пушкинской Марины — идеала женской красоты (в основном в телесно-сексуальном плане) и манер — сформировался под воздействием уже существовавшего тогда стереотипа польской шляхтянки, а еще больше личных впечатлений поэта о женщинах-польках из его окружения.

Образ Мнишек у Цветаевой — личностный, а оттого противоречивый — оказался скрещенным с собственной судьбой поэтессы, отразил перемены в мировосприятии. Семейная трагедия Цветаевой, нависшая над ней дамокловым мечом, привела к замене автомифологизированной Марины Мнишек на ту, что близка, даже родственна Цветаевой по эмоциональному состоянию.

Неважно, какой из этих образов ближе исторической действительности. Оба, войдя в русскую литературу, серьезно обогатили ее...

ЛИТЕРАТУРА

1. Słowacki J. *Balladyna* / J. Słowacki. — Warszawa, 1970.
2. Красиньский З. Агай-хан. Историческая повесть / З. Красиньский / пер. В. Ходасевича; публ. В. Н. Козлякова // *Начало века*. СПб., 2000. *Krasiński Z. Dzieła*. Warszawa, 1934. — Т. 1.
3. Mucha B. *Samozwancza carowa Maryna Mniszchowna w ocenie Aleksandra Puszkina* (Komentarz historyczny do *Borysa Godunowa*) / B. Mucha // *Slavia Orientalis*, 1988, t. XXXVII, № 3. — S. 529–536.
4. Панфёрова О. Образ Марины Мнишек в лирике Цветаевой / О. Панфёрова // *Научный альманах*. — 2018. — № 6–2(44). — С. 178–181.
5. Цветаева М. *Неизданные записные книжки*. В 2-х т. / М. Цветаева. — Т. 2. — М., 2001.
6. Цветаева М. И. *Собрание сочинений в 7 т.* М. И. Цветаева. — Т. 7. — М., 1995.
7. Цветаева М. *Дом у старого Пимена* / М. Цветаева. // *Цветаева М. Сочинения в 2 т.* — Т. 2. — М., 1988. — С. 30–66.
8. Чернова-Сосинская А. В одном доме «на Смихове» / А. Чернова-Сосинская // *Воспоминания о Марине Цветаевой*. — М., 1992. — С. 299–300.
9. Цветаева М. *Неизданные записные книжки* / М. Цветаева. — В 2 т. — Т. 1. — М., 2000.
10. Саакянц А. *Марина Цветаева. Жизнь и творчество* / А. Саакянц. — М., 1999.
11. Orłowski J. *Mit Polski w poetyckim świecie Maryny Cwietajewej* / J. Orłowski // *Słowianie Wschodni. Duchowość, mentalność, kultura* // *Księga jubileuszowa dedykowana profesorowi Ryszardowi Łużnemu w siedemdziesięciolecie urodzin*, pod red. A. Raźny, D. Piwowarskiej, Kraków, 1997. — S. 241–249.

Воронежский государственный университет
Ковалев Г. Ф., доктор филологических наук, профессор
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru

Voronezh State University, Russia
Kovalev G. F., Doctor Doctor of Philology, Professor
E-mail: kovalev@phil.vsu.ru